

ТАТЬЯНА ГРИГОРЬЕВНА ИВАНОВА

доктор филологических наук, главный научный сотрудник
Отдела русского фольклора
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
tgivanova@inbox.ru

«ЯЗЫК ЦВЕТОВ» КАК ОДИН ИЗ ФЕНОМЕНОВ ФОЛЬКЛОРНОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. В статье освещается рукопись «Язык любви» В. И. Пономарева – собирателя фольклора из г. Лальска бывшей Вологодской губернии. Материал в настоящее время хранится в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Специально рассматривается «язык цветов», получивший популярность в городском обществе благодаря книгам Д. П. Озношина «Селам, или Язык цветов» (СПб., 1830), «Язык цветов (язык любви) / Изд. А. А. Быкова» (Рига, 1903) и др. Указывается на фольклорный характер лальского «языка цветов». Провинциальный «язык цветов» в определенной мере оправдывает так называемую русскую «аристократическую теорию» происхождения фольклора (начало XX века) или близкую к ней теорию немецкого фольклориста Ганса Науманна (1920-е годы) о транслировании произведений, созданных в социальных верхах, в народную среду.

Ключевые слова: В. И. Пономарев, Лальск, «язык цветов», форма письменного фольклора, посадско-слободской фольклор

Для цитирования: Иванова Т. Г. «Язык цветов» как один из феноменов фольклорной культуры // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 3. С. 65–70. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1163

ВВЕДЕНИЕ

В Рукописном отделе Института русской литературы РАН хранится рукопись В. И. Пономарева «Язык любви»¹. В последние годы его имя неоднократно привлекало внимание исследователей. Биография его изложена в статьях К. О. Понурко и О. А. Теуш [1], [2].

Валериан Иванович Пономарев родился 12 (24) ноября 1889 года в г. Лальске Вологодской губернии (ныне Лузский район Кировской области). Он был вторым сыном (от второго брака) купца и местного краеведа И. С. Пономарева. Учился в Вологодском и Великоустюжском училищах, но в 1907 году был исключен за участие в революционных ученических кружках. Получив после сдачи экзамена звание народного учителя, В. И. Пономарев некоторое время преподавал в земской школе. В 1910 году, сдав экстерном экзамены за курс среднего образования, он поступил на историко-филологический факультет Варшавского университета. По окончании университета (1914) начал службу учителем русского языка и истории в реальном училище г. Тотьма Вологодской губернии. Впоследствии В. И. Пономарев стал директором этого учебного заведения, которое вынужден был покинуть в 1919 году, что было вызвано его «со-

мнительным» с точки зрения большевистских властей социальным происхождением. В дальнейшем он долгое время работал в Лальске, а затем в Вятке в различных учреждениях в качестве экономиста. В 1930 году В. И. Пономарев переехал в Свердловск, где продолжил службу экономистом. С 1936 года вернулся к педагогической деятельности в одной из школ города. С 1945 года Валериан Иванович – преподаватель Свердловского городского института усовершенствования учителей. Скончался В. И. Пономарев в 1980 году.

* * *

В домашнем архиве Пономаревых – Теушей сохранились материалы В. И. Пономарева. В статье «В. И. Пономарёв – филолог, краевед и знаток культуры Лальска» [1] приводится список фольклорных рукописей В. И. Пономарева, относящихся к Лальску: народная драма «Царь Максимилиан»; «Лодка»; описание хождения с вертепом; «Язык любви»; былина-колыда «Сокол-корабль»; сказки «Глиндышек» и «Машка-светлоглазка», записанные по памяти; песня «Сказать ли вам, братцы»; стихотворения и песни, распевавшиеся лальской молодежью в 1900–1910-е годы; частушки в записях 1909–1915 годов;

материалы малых форм (куплеты, прибаутки). Занимаясь изучением истории родного города, В. И. Пономарев подготовил две рукописи: «Дореволюционное устное народное творчество на Севере России» и «История Лальска в конце XIX – начале XX вв.» [2]. В настоящее время опубликованы две главы – «Театр в Лальске в конце XIX и начале XX в.» (с материалом о народных драмах) и «Клубы в Лальске в конце XIX и начале XX в.» [3].

Во второй половине 1950-х годов В. И. Пономарев установил контакты с Институтом русской литературы (Пушкинский Дом). В письме к В. Е. Гусеву, который в то время был старшим научным сотрудником Сектора устного народного творчества, 15 декабря 1957 года В. И. Пономарев раскрыл некоторые обстоятельства своего увлечения русским фольклором:

«В 1914 году, по окончании университета, я был назначен преподавателем русского языка и литературы в реальном училище в г. Тотьма Вологодской губернии. В ноябре 1915 года я организовал в училище ученический краеведческий кружок универсального типа. Однако на практике он вылился в форму кружка юных фольклористов, если не исключительно, то главным образом. Это соответствовало моим личным интересам и устремлениям. К тому же руководить одному универсальному краеведческому кружком было, конечно, невозможно. Через год движение юных фольклористов перекинулось в женскую гимназию, и в наш кружок стали поступать материалы и от гимназисток. К марта 1917 года было собрано материалов по фольклору такое количество, что педагогический совет реального училища решил издать сборник страниц в 400–500. Но этого не случилось: великие события 1917 года и последующих лет поставили перед нами другие задачи. Правда, работа кружка продолжалась еще до весны 1919 года, но на значительно более низком уровне, чем раньше» [РО ИРЛИ, р. V, кол. 202, п. 1, № 1, л. 3 об.].

В Тотьме В. И. Пономарев и его ученики, судя по письму к В. Е. Гусеву, записали частушки (3856 текстов), песни (97), историческую песню (1), описания крестьянских свадеб (6), сказки (7), детские считалки и прибаутки (93), заговоры (34). В работе кружка принимали участие 62 ученика. В РО ИРЛИ хранятся материалы, записанные в Тотемском уезде: сказка про Махмета царевича [РО ИРЛИ, р. V, кол. 202, п. 1, № 2], «Свадьба в Демьянове Тотемского уезда Вологодской губернии» (№ 6). Здесь же находится статья В. И. Пономарева «Язык причетов свадьбы в Демьянове» (№ 5). Все тексты даны в машинописи, как можно понять из письма, записи были присланы в Пушкинский Дом в качестве образцов материалов, которые автор надеялся опубликовать (публикация не состоялась).

Второй частью фольклорной коллекции собирателя является лальский материал. В письме

к В. Е. Гусеву говорится: «Лальский фольклор записан в 1909–1917 годах главным образом в Лальске и частично в Велико-Устюжском и Никольском уездах бывшего Вологодской губернии». Нас в этом материале привлекла рукопись «Язык любви» – статья и материалы к ней, где описаны значения цветов, предметов и жестов при общении молодежи на городских вечерах. В. И. Пономарев записывал соответствующий материал, как он пишет, в двух тетрадках, причем вторую тетрадь пополнял и его брат. «Языком любви» увлекалась лальская молодежь, и прежде всего учащиеся. В «язык любви» входили цветы, ленты, носовые платки, поцелуй, танцы. В этой же рукописи приведены значения внешних черт человека – походка, глаза, губы, рот, волосы.

В лальском «языке любви» цвет лент выражал то или иное чувство: белый – ненависть; красный – пылкая любовь; ярко-красный – глупость; коричневый – скромность; малиновый – верность; вишневый – обман; желтый – измена, непостоянство; сиреневый – гордость и т. д.

Значения носового платка прочитывается следующим образом: прижимание к губам – желание познакомиться; раскинуть на руках – знак согласия, можно осмелиться; обвивание (платка) – равнодушные; перегибание на колене – я вас люблю; прижимание к правому уху – дружба; растягивание обеими руками – я вас ненавижу; развесивание платка за плечами – следите за мной и пр. Думается, что игра с носовым платком в провинциальном Лальске является порождением соответствующей игры с веером в столичном обществе.

Дается в рукописи В. И. Пономарева и значение поцелуя: в голову – я твой / твоя; в лоб – знак уважения; в плечо – измена; в щеку – нежная любовь и т. д. Танцы также входили в лальский «язык любви»: вальс – «я вас люблю»; краковяк – «не отвергайте меня»; венгерка – «не обманывайте меня» и пр.

Последней частью рукописи В. И. Пономарева является список значений внешних черт человека. Плавная походка прочитывается как самодовольство; скорая – «я спешу в твои объятия» и пр. Черные глаза, по мнению жителей Лальска, означают энергию и проницательность; голубые – веселость, нежность, гордость и т. д. Тонкие губы свидетельствуют о презрении ко всем; толстые – уважении. Маленький рот – страдание; большой – добродушие, пылкая любовь. Черные волосы – жестокость, злость; русые – влюбчивость и пр.

Самой интересной частью лальской рукописи является «язык цветов», которым молодежь пользовалась не только на вечерах (основное место), но и во время прогулок за городом.

В статье В. И. Пономарев описывает ситуации, в которых молодые люди прибегали к цветам, иногда используя их в шутливо-иронических контекстах:

«Так <...> во время прогулки молодежи в поле кто-либо из юношей, увидев валявшийся, засохший, искалеченный подсолнечник длиною метра в полтора, поднимает его, с карикатурно-торжественным видом подносит какой-нибудь девушке и, «преклонив колена» и склонив голову, прочувственным голосом заявляет: «Со значением». Подсолнечник имеет хорошее значение: «Вы сияете перед всеми, как солнце», но вид его таков, что девушка сначала с недоумением смотрит на полутораметровый «цветок», а затем, выхватив его из рук «поклонника», мчится за ним. В погоню включаются другие девушки, и при общем хотят пойманный виновник происшествия подвергается заслуженной каре. Орудием наказания является тот же подсолнечник» [РО ИРЛИ, р. V, кол. 202, п. 1, № 4, л. 2].

Вторая картинка, запечатлевшаяся в памяти В. И. Пономарева, связана с желанием друзей помирить поссорившуюся пару:

«...какой-нибудь шутник во время <...> прогулки замечает, что Надя и Коля, не вполне равнодушные друг к другу и нередко гуляющие в укромных уголках сада, в этот раз что-то не поладили между собой и сердятся друг на друга. Шутник сейчас же вооружается лопухом и с серьезным видом подносит его Наде со словами: «Со значением от Коли» (значение лопуха «поди к черту»). Недоумевающая Надя, хотя и не вполне доверяющая шутнику, но обиженным тоном заявляет: «Отдай его обратно с тем же значением от меня». Шутник спешит исполнить ее желание и вручает лопух Коле. Тот сначала с удивлением смотрит то на Надю, то на лопух, но потом, поняв, в чем дело, бросается в погоню за удирающим шутником. Надя присоединяется к Коле, и начинается «избиение младенца». Шутник покорно переносит наказание, а затем, заметив, что Надя и Коля, забыв о своей размолвке, дружно его тузят, неожиданно их спрашивает: «Ну что, помирились? Вот и хорошо!» И все трое дружно возвращаются в общую компанию. Размолвки между Надей и Колей как не бывало» [РО ИРЛИ, р. V, кол. 202, п. 1, № 4, л. 2].

«Языком цветов» писались письма: «Ванильный цвет и ландыш, анжелика, душистый горошек, гелиотроп, рябина, липа, смородина, черемуха, колос, бересковый цвет, левкой, ель, хмель и альпийская роза». В переводе на обычный русский язык это значит:

«Я увидел тебя, и полюбил, и давно тебя люблю втайне. В тебе все хорошо! Ты прекрасна, как ангел! Я люблю тебя больше всех на свете. Любя тебя, я забываю сам себя. Чем больше на себя смотрю, тем больше тебя люблю. Если бы у меня были тысячи сердец, они все принадлежали бы тебе. Ангел, люби меня! Высшее счастье в жизни – любовь! Поцелуй меня! Твой поцелуй – блаженства для меня. Я буду любить тебя до гроба. Прими мою горячую любовь, и мы будем счастливы» [РО ИРЛИ, р. V, кол. 202, п. 1, № 4, л. 2–3].

Такие письма передавались юношами и девушками на вечерах в лальском клубе или на вечеринках в частных домах.

В рукописи В. И. Пономарева в алфавитном порядке приводится список цветов (208 позиций) и их значений (л. 7–14): березовая ветка – «Поцелуйте меня»; герань – «Желаю с вами гулять»; верба – «Очарование»; горох – «От твоего счастья зависит мое»; гречиха – «Не обманывайте»; ель – «Я буду любить тебя до гроба»; заячья капуста – «Зачем вы любите его?»; ива – «Пламенная любовь»; куриная слепота – «Ненависть»; лютик – «Я одинока среди полей»; малина – «Позвольте с вас карточку»; маргаритка белая – «Ты ангел! люби меня, как я тебя!»; мята – «Не оглядывайся на печальное прошлое»; осина – «Помоги мне»; подорожник – «Побеждайте же вашу гордость!»; роза красная – «Победа твоя»; роза повядшая – «Несчастье»; ромашка – «Раньше любила, теперь позабыла»; сирень – «Не заставляй меня ждать»; смородина – «Если бы у меня были тысячи сердец, они все принадлежали бы тебе»; табак – «Ты меня радуешь»; хмель – «Примите мою горячую любовь»; щавель – «Ты обидчива» и пр.

Очевидно, что лальский «язык цветов» является отражением культуры, которая была принесена в Европу англичанкой Мэри Уортли Монтегю, женой британского посла в Османской империи. Она смогла получить доступ в гарем в Константинополе, где и познакомилась с этой стороной восточной культуры. В 1762 году леди Монтегю издала книгу «Письма из Турции», где был описан гаремный «язык цветов». Эта игра распространилась по многим странам Европы, и уже в конце XVIII – первой трети XIX века стала весьма популярной в салонах Петербурга и Москвы. «Язык цветов» (флоропоэтика) нашел отражение в стихах и дамских салонных альбомах, материал которых блестяще проанализирован в диссертации К. И. Шарафадиной ««Язык цветов» в русской поэзии и литературном обиходе первой половины XIX века (источники, семантика, формы)» (см. также: [4], [5]).

В наше время интерес к «языку цветов» возродился. В последние годы были изданы переводы двух англоязычных книг: Джесика Ру «Флориография: иллюстрированное руководство по викторианскому языку цветов» (М., 2022); Дж. Дэвис и Дж. Сондерс «Тайный язык цветов» (М., 2023). Назовем отечественные издания подобного рода: «Язык цветов. Русский травник / Под ред. В. П. Бутромеева» (М., 2006); А. Маслюков «Тайный язык цветов в искусстве модерна» (М., 2024).

Во второй половине XIX – начале XX века салонная игра в «язык цветов» в России из аристократических слоев общества спустилась в среду городского мещанства. Для нашей темы важен 1830 год, когда Д. П. Ознобишин, опираясь

на одно из немецких изданий², в книге «Селам, или Язык цветов» впервые опубликовал довольно большой список (более 300) цветов и их значений³. С этого времени «язык цветов» начал получать распространение в самых широких кругах грамотных людей, и прежде всего в среде купечества и мещанства.

В поле нашего зрения находится еще одно издание подобного рода: «Язык цветов, или Описание эмблематических значений, символов и мифологического происхождения цветов и растений. С прибавлением стихотворений, написанных на цветы русскими поэтами» (СПб., 1849). Однако, по нашим наблюдениям, оно не имеет никаких точек соприкосновения с книгой Д. П. Ознобишина. В издании 1849 года дается описание цветка, называется место его произрастания, приводятся строки из стихов, а также указывается эмблематическое значение. Круг значений много шире, чем у Д. П. Ознобишина. Помимо темы любви указываются другие: аконит – месть; амарант – бессмертие; нарцисс – себялюбие; гранатовое дерево – честолюбие; пурпурная роза – верховная власть и др. Толкования цветов с любовной тематикой в книге Д. П. Ознобишина и издании 1849 года не совпадают: гортензия – «Жестокая! Как могла ты так скоро забыть меня» (Ознобишин) и «Любовь постоянная» (издание 1849 года); дубровка – «Какой жертвы ты бы от меня ни потребовала, всё исполню» (Ознобишин) и «Более на тебя гляжу, более тебя люблю» (издание 1849 года); ландыш – «Долго втайне я любил тебя» (Ознобишин) и «Ветренность, равнодушие» (издание 1849 года) и т. д.

В Интернете на сайте «Селам – язык цветов и тайных посланий» представлен еще один из дореволюционных вариантов селама: цветной лист с изображением цветов и подписями их значений. Красная роза значила «Моя любовь к тебе съедает меня!»; иванов цвет – «Я за тебя»; незабудка – «Не забывай меня!»; эдельвейс – «Пиши мне скоро!»; альповая роза (так!) – «Я жду тебя»; крапива – «Напрасно! Ты не нравишься мне»; анютины глазки – «Вспомни меня!»; фиалка гвоздичная – «До скорого свидания»; дикая роза – «Я помираю от ревности!» и т. д.⁴ Очевидно, что были и другие издания, предлагавшие свои варианты «языка цветов».

Мы можем утверждать, что лальская рукопись опосредованно связана с книгой Д. П. Ознобишина. Об этом свидетельствует хотя бы то, что в рукописи В. И. Пономарева мы находим названия цветов, с которыми лалетяне никак не могли быть знакомы. Например, у Д. П. Ознобишина дана абрикосовая ветвь со значением «Ты очаровываешь меня своею прекрасною душою». В лальской рукописи также имеется абрикосовая

ветка, но с другим значением – «Люблю тебя невыразимо». У Д. П. Ознобишина зафиксирован виноградный лист, который tolкуется как «Люби и наслаждайся». У В. И. Пономарева виноградная лоза означает «Дайте вашу карточку».

В отдельных случаях (нечастых) формулировки в толковании цветов совпадают в столичной книге Д. П. Ознобишина и в провинциальной рукописи В. И. Пономарева. Так, у Д. П. Ознобишина розовый стебель означает «нет!», а розовый лист – «да!» Соответственно у В. И. Пономарева: розовая ветка – «нет!», розовый листок – «да!». Для бересклета Д. П. Ознобишин приводит значение «Положитесь на меня»; та же формулировка дана у В. И. Пономарева. Однако чаще всего формулировки значений, оставаясь в том же семантическом поле, что и у Д. П. Ознобишина, варьируются, то есть явственно работают механизмы фольклорной традиции. См., например: акация – «Дружба исцеляет раны любви» (Ознобишин) и «Ваша дружба исцеляет мое сердце» (Пономарев); астра – «Умеешь ли ты любить постоянно?» (Ознобишин) и «Постоянна ли ты?» (Пономарев); василек – «Будь прост, как он» (Ознобишин) и «Будьте скромны, как василек» (Пономарев); гвоздика белая – «Вверься мне» (Ознобишин) и «Вверь мне свою любовь» (Пономарев); мята – «Изгладим из памяти все минувшее горе» (Ознобишин) и «Не оглядывайся на печальное прошлое» (Пономарев); нарцисс жонкиль – «Как можешь ты быть столь жестокою!» (Ознобишин) и «Жестокая! Как ты меня терзаешь!» (Пономарев); подсолнечник – «Ужели любовь не может преодолеть твоей гордости!» (Ознобишин) и «Победит ли любовь это гордое сердце» (Пономарев); тыква – «Пусть меня весь свет забудет, лишь бы ты со мной» (Ознобишин) и «Какое мне дело до всего мира, если ты меня любишь!» (Пономарев) и др. Можно найти примеры противоположных толкований: кактус – «Не много часов был я осчастливлен тобою» (Ознобишин) и «Ты даришь меня многими счастливыми часами» (Пономарев). При толковании незабудки Д. П. Ознобишин в центр ставит адресанта послания («Пусть мой образ навсегда обитает в твоем сердце»), а Пономарев – адресата («Не забудь, твой образ меня преследует»).

Рассмотрим также книгу «Язык цветов (язык любви) / Изд. А. А. Быкова» (Рига, 1903), которая вполне могла быть известна молодежи Лальска. После краткого предисловия, написанного в романтическо-слащавом духе, следует словарь «языка цветов». Здесь в толковании цветов мы находим значительные сближения с лальской рукописью: абрикосовый цвет – «Могу ли я подойти к вам?» (Пономарев) и «Могу ли я приблизиться к вам?» (издание 1903 года); базилик (базе-

лекул) – «Я желаю узнать вас ближе» (Пономарев) и «Мы становимся все ближе и ближе» (издание 1903 года); бобовый цвет – «Как часто я вас подслушивал» (Пономарев) и «Как часто я тебя подслушивал» (издание 1903 года); железнняк – «полагайся на мою любовь» (Пономарев) и «Пусть моя любовь будет тебе опорой» (издание 1903 года); лавр – «Я всегда удивляюсь тебе, но не могу любить» (Пономарев) и «Любуюсь тобой постоянно, но полюбить не в состоянии» (издание 1903 года); мак – «Не прошу никогда» (Пономарев) и «Этого я тебе никогда не прошу» (издание 1903 года); нарцисс – «Жестокая! Как ты меня терзаешь!» (Пономарев) и «Ты жестока до невозможности» (издание 1903 года); подсолнечник – «Победит ли любовь это гордое сердце?» (Пономарев) и «Неужели любовь никогда не покорит твоего гордого сердца» (издание 1903 года); розовый стебель – «Нет!» (Пономарев) и «Нет!» (издание 1903 года); розовый лист – «Да!» (Пономарев) и розовый красный лепесток – «Да!» (издание 1903 года); слива – «Ты обманула мои ожидания» (Пономарев) и «Ты разочаровала меня в ожиданиях» (издание 1903 года); страстоцвет – «Не оставляй веру, надежду и любовь» (Пономарев) и «Кто верит, надеется и любит, тому милости неба!» (издание 1903 года); табак – «Ты меня радуешь» (Пономарев) и «Ты веселишь мою душу» (издание 1903 года); тыква – «Какое мне дело до всего мира, если ты меня любишь!» (Пономарев) и «Что мне до всего света, если я любим тобою» (издание 1903 года) и т. д.

В. И. Пономарев определяет «язык цветов» как «своеобразный вид фольклора» [РО ИРЛИ, р. V, кол. 202, п. 1, № 4, л. 1]. Нам представляется, что собиратель абсолютно прав, включая этот сегмент культуры провинциального города в сферу фольклора.

Вариативность толкований можно отметить и внутри самой лальской рукописи. Как мы уже указывали, присланный в Пушкинский Дом машинописный вариант был составлен автором на основе двух тетрадей. Соответственно, в рукописи при названиях цветов цифра 1 означает первую тетрадь, а цифра 2 – вторую. Если толкование в обеих тетрадях совпадало, то В. И. Пономарев указывал только цифру 1. Некоторые растения в лальском списке цветов имеют две формулировки для толкования, то есть варьируются. Чаще всего это толкования с одним или близким значением: крапива – «Не хочу знать тебя», «Вы мне навязываетесь» (в тетради 1) и «Берегись меня и не привязывайся» (тетрадь 2); ландыш – «Я давно вас люблю втайне» (тетрадь 1) и «Тайная любовь» (тетрадь 2); лилия белая – «Невинность побеждает» (тетрадь 1) и «Ангел, невинность, я обожаю вас» (тетрадь 2);

черемуха – «Ты мой ангел!» (тетрадь 1) и «Ангел, люби меня!» (тетрадь 2) и пр.

Однако внутри лальской традиции можно найти примеры, где одному и тому же цветку приписываются разные значения. Так, лавр имеет значения «Я всегда удивляюсь тебе, но не могу любить» (тетрадь 1) и «Вы победили меня» (тетрадь 2); лимон – «Я желаю с вами переписываться» (тетрадь 1) и «Вы обольщаете всех, кроме меня» (тетрадь 2); полынь – «Не жди меня» (тетрадь 1) и «Мне без вас скучно» (тетрадь 2); укроп – «Скоро услышишь обо мне» (тетрадь 1) и «Не сердитесь, умоляю вас» (тетрадь 2); чертополох – «Всё кончено!» (тетрадь 1) и «Осмотритесь: враг есть между нами!» (тетрадь 2) и пр. Для репейника в тетради 1 зафиксированы два значения: «Я желаю прижать вас к сердцу» и «Сплетни».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, лальский «язык цветов» – это еще одна, скорее всего, упрощенная версия любовной игры, прошедшей путь: Османская империя (где она была подсмотрена англичанами) – Европа (Англия, Франция, Германия) – Петербург и Москва – провинциальные города (Лальск).

Рукопись В. И. Пономарева была создана с фольклорно-собирательскими целями. Однако не приходится сомневаться, что аналогичные рукописные варианты существовали и в другом качестве – как некое руководство по «языку цветов», используемое лальской молодежью. «Язык цветов» – это яркий пример письменного фольклора.

Провинциальный «язык цветов» в определенной мере оправдывает так называемую русскую «аристократическую теорию» происхождения фольклора (начало XX века) или близкую к ней теорию немецкого фольклориста Ганса Науманна (1920-е годы) о транслировании произведений, созданных в социальных верхах, в народную среду. Естественно, мы не принимаем всеобъемлющий характер этих теорий. Тезисы о происхождении былин в среде дружинных певцов, о сложении свадебного обряда женами старейшин представляются совершенно неубедительными. Тем не менее в определенных сегментах (в данном случае – «язык цветов») эти теории оказываются вполне работающими.

Второй тезис, который мы хотели бы закрепить в связи с «языком цветов», касается принадлежности его к посадско-слободскому фольклору. Фольклористика уже давно определила для себя, что устно-поэтическая традиция – это достояние не только крестьянства, но и городского населения. «Язык цветов» следует рассматривать как один из феноменов фольклорной культуры провинциального города.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Рукописный отдел Института русской литературы РАН, р. V, кол. 202, п. 1, № 4, 17 л. машинописи. Далее: РО ИРЛИ.
- ² Die Blumensprache, oder Bedeutung der Blumen nach orientalischer Art. Berlin, 1823.
- ³ Ознобинин Д. П. Селам, или Язык цветов. СПб., 1830. См. переиздания: М., 2014; М., 2019.
- ⁴ Селам – язык цветов и тайных посланий [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://grand-flora.ru/article/67-selam-language.html> (дата обращения 10.10.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Понурко К. О., Теш О. А. В. И. Пономарев – филолог, краевед и знаток культуры Лальска // Герценка: Вятские записки. Киров, 2011. Вып. 19. С. 112–119.
- Понурко К. О., Теш О. А. Архив В. И. Пономарева как источник для изучения великоустюжской историко-культурной зоны // Историческая география: пространство человека VS человек в пространстве: Материалы ХХIII Междунар. науч. конф. Москва, 27–29 января 2011 г. М., 2011. С. 365–367.
- Пономарев В. И. Театр в Лальске в конце XIX и начале XX в.; Клубы в Лальске в конце XIX и начале XX в. // Герценка: Вятские записки. Киров, 2011. Вып. 19. С. 120–125.
- Шрафадина К. И. «Алфавит Флоры» в образном языке литературы пушкинской эпохи: истоки, семантика, формы. СПб.: Петербургский институт печати, 2003. 309 с.
- Шрафадина К. И. «Селам, откройся!»: Флоропоэтика в образном языке русской и зарубежной литературы. СПб.: Нестор-История, 2018. 543 с.

Поступила в редакцию 11.11.2024; принята к публикации 31.01.2025

Original article

Tatyana G. Ivanova, Dr. Sc. (Philology), Chief Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)
tgivanova@inbox.ru

“LANGUAGE OF FLOWERS” AS A PHENOMENON OF FOLKLORE CULTURE

A b s t r a c t. This article analyzes the manuscript “The Language of Love” by V. I. Ponomarev, a folklore collector from Lalsk in the former Vologda Province. The manuscript is currently archived in the Manuscript Department of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences. The study specifically explores the “language of flowers”, which gained popularity among urban dwellers due to the influence of D. P. Oznobishin’s books “Selam, or the Language of Flowers” (St. Petersburg, 1830), “The Language of Flowers (the Language of Love): A. A. Bykov’s Edition” (Riga, 1903), etc. The folkloric nature of the Lalsk “language of flowers” is emphasized, suggesting that this provincial variant of the “language of flowers” supports the so-called Russian “aristocratic theory” of the origins of folklore proposed in the early XX century, as well as the similar theory by German folklorist Hans Naumann from the 1920s, which posit the transmission of artistic works from the social elite to the broader populace.

Keywords: V. I. Ponomarev, Lalsk, “language of flowers”, form of written folklore, posad and sloboda folklore
For citation: Ivanova, T. G. “Language of flowers” as a phenomenon of folklore culture. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(3):65–70. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1163

REFERENCES

- Ponurko, K. O., Teush, O. A. V. I. Ponomarev – philologist, local historian, and connoisseur of Lalsk culture. *Herzenka: Vyatka Notes*. Kirov, 2011. Issue 19. P. 112–119. (In Russ.)
- Ponurko, K. O., Teush, O. A. V. I. Ponomarev’s archive as a source for studying Veliky Ustyug historical and cultural zone. *Historical geography: human space VS human in space: Proceedings of the XXIII international research conference. Moscow, 27–29 January 2011*. Moscow, 2011. P. 365–367. (In Russ.)
- Ponomarev, V. I. Theater in Lalsk in the late XIX and early XX centuries; Clubs in Lalsk in the late XIX and early XX centuries. *Herzenka: Vyatka Notes*. Kirov, 2011. Issue 19. P. 120–125. (In Russ.)
- Shrafadina, K. I. “Flora’s Alphabet” in the figurative language of literature in Pushkin’s epoch: origins, semantics, forms. St. Petersburg, 2003. 309 p. (In Russ.)
- Shrafadina, K. I. “Open selam!”: Floropoetics in the figurative language of Russian and foreign literatures. St. Petersburg, 2018. 543 p. (In Russ.)

Received: 11 November 2024; accepted: 31 January 2025